

УЧЕНЫЕ НА СЛУЖБЕ ВОЙНЫ: ПЕРЛЮСТРАЦИЯ ПИСЕМ ТАТАРСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Искандер Аязович Гилязов,

Институт Татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Х. Хасанова
Академии наук Республики Татарстан,
Россия, 420015, г. Казань, ул. Пушкина, д. 58,
gilyazov1958@mail.ru.

В статье рассматривается один из интересных и малоизвестных сюжетов из истории Первой мировой войны – о привлечении ученых-востоковедов для цензуры писем военнопленных, находящихся в лагерях на территории Германии. Такое масштабное включение ученых в перлюстрацию писем военнопленных было вынужденной мерой, так как сами военные цензоры не владели восточными языками. Среди подобных писем было немало и на татарском языке, который до Первой мировой войны в университетах Германии не преподавался. Можно считать, что именно перлюстрация писем военнопленных на татарском языке в определенной степени повлияла на то, что в немецкой тюркологии появился заметный интерес и к татарскому языку. Свидетельством этого стала научная деятельность известного тюрколога Готтхольда Вайля, который в годы войны отвечал за цензуру татарских писем, а с 1918 г. преподавал татарский язык в Берлинском университете.

Ключевые слова: Первая мировая война, Германия, мусульманские военнопленные, цензура, перлюстрация писем

Введение

В период Первой мировой войны тысячи солдат российской армии оказались в германском и австро-венгерском плену. В одной из публикаций, увидевшей свет практически сразу же по окончании Первой мировой войны, Вильгельм Дёген приводил следующую цифру – в германском плену находилось 1 420 479 российских солдат и 14 050 офицеров [1, с. 56]. В эмигрантской литературе можно встретить и более «серьезные» показатели – по мнению Н. Н. Головина, общее число русских пленных на 1 ноября 1917 г. составляло 2 миллиона 417 тысяч человек [2, с. 207].

Современные исследователи в целом соглашались с цифрами, приведенными В. Дегеном. По их мнению, общее количество военнопленных в Германии в период Первой мировой войны составляло 2,5 миллиона человек, из которых около 1,4 миллиона были российским солдатами [3, с. 53–54], [4, с. 68].

Привлекая довоенную российскую статистику о конфессиональной структуре российской армии, О. С. Нагорная из этих цифр выводит примерную численность представителей различных конфессий среди военнопленных: по ее мнению, около 80 % из них составляли право-

славные, 9 % – католики и протестанты, 6% – мусульмане [5, с. 186]. Если взять эти примерные цифры за основу, то можно предполагать, что в немецком плену в годы войны находилось до 85–86 тысяч солдат и офицеров-мусульман.

По отношению к мусульманским военнопленным германское военное и политическое руководство начало проводить очень своеобразную политику с целью так называемой «революционизации» мусульманского мира. Германия намеревалась организовать пропагандистскую обработку таких солдат, чтобы впоследствии использовать их в борьбе против стран Антанты – Англии, Франции и России. С этой целью часть мусульманских военнопленных (около 16 000 человек) была специально собрана в особых пропагандистских лагерях – Halbmondlager и Weinberglager [6].

Согласно международным документам, касающимся прав военнопленных, которые в годы Первой мировой войны признавались и Германией, и Россией, одним из условий содержания солдат противника в плену было обеспечение для них почтовой службы. Статья 16 положения Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 5 (18) октября 1907 г. гласила: «Письма, переводы, денежные

суммы, равно как и почтовые посылки, адресуемые военнопленным или ими отправляемые, освобождаются от всех почтовых сборов как в странах отправления и назначения, так и в промежуточных странах. Пожертвования и вспомоществования вещами, посылаемые для военнопленных, освобождаются от всех таможенных и других сборов, равно как от провозной платы по железным дорогам, состоящим в казенном управлении» [7].

В отечественной и зарубежной историографии конкретный сюжет данной статьи не рассматривался. Причиной этого являются и малая доступность имеющихся источников, и языковые барьеры, и даже некая экзотичность сюжета. Собственно, даже тема цензуры (перлюстрации) писем военнопленных в Германии не становилась объектом изучения, и в исторической литературе в лучшем случае рассматривались лишь общие моменты истории почтовой службы для военнопленных и цензуры в годы Первой мировой войны [8], [9]. Письма российских, в том числе и татарских военнопленных, в некоторой степени использованы были в работах Элика Абдрашитова [10] и Ингеборг Бальдауф [11]. Привлечение немецких ученых-ориенталистов к перлюстрации писем военнопленных из представителей нерусских народов Российской империи в некоторой степени затрагивалось в упоминавшейся выше монографии И. А. Гилязова и Л. Р. Гатауллиной.

Материалы и методы

В качестве источника для данной статьи использовались материалы из Секретного архива Прусского культурного наследия в Берлине (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GSAPK)), а именно из фонда Семинара по восточным языкам Берлинского университета. В основном это переписка между руководством Семинара и отдельными сотрудниками, а также конкретная статистика, связанная с переводами и перлюстрацией писем военнопленных. При этом были просмотрены и проанализированы практически все материалы фонда указанного Семинара, связанные с интересовавшим нас сюжетом. Если статистические и общие цифровые сведения об этих источниках достаточно полны и убедительны, но сами письма или же их копии или переводы в архиве не сохранились. Тем не менее источники дают ясное представление о степени вовлеченности немецких ученых-востоковедов не только в цензуру пи-

сем, но и в целом в обслуживание военной машины Германии в годы Первой мировой войны.

В статье использованы сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы исследования.

Обсуждение

Понятно, что корреспонденция военнопленных в лагерях в период Первой мировой войны строго контролировалась лагерной администрацией – тексты писем читались цензорами, а посылки вскрывались. В каждом из лагерей создавалась специальная служба военных цензоров, которые должны были решать, разрешать отправку корреспонденции или нет.

Постепенно военное руководство определилось, какие темы в письмах должны обязательно контролироваться. Это нашло отражение в специальном документе, принятом Генеральным штабом 11 августа 1916 г. При работе с почтой военнопленных переводчики-цензоры должны были обращать внимание, содержатся ли текстах писем:

1) военные известия – адреса конкретных лиц, отдельных соединений, данные о дислокации соединений, сообщения о передвижении войск, об аэродромах, о призыве на службу, строительстве железнодорожных путей и мостов, снабжении армии, изготовлении амуниции, о флоте, о военных потерях;

2) информация о настроениях населения, армии, есть ли сомнения в победе, чувствуется ли усталость от войны, стремление к миру, как оцениваются цели войны, внутрисполитические события, каково отношение автора к правительству, мероприятиям правительства, упоминаются ли отношения с союзниками, какое отношение выражается к Германии, каковы мысли о времени после заключения мира;

3) сведения об экономическом положении – образ жизни отдельных людей, нужда в некоторых вещах, налоговые тяготы, изменения в доходах, цены на товары, продукты, топливо разного рода, наличие топлива, запасов, оценка урожая, отношение к работе, положение в сельском хозяйстве (земледелие, виноградарство, скотоводство, лесные работы, вред, причиненный дикими зверями, погодными условиями, вредными насекомыми), положение в промышленности (сырье, развитие и изменение производства, поставки угля), положение в торговле, возможности экспорта и импорта, оборот денег, наличность золота, мероприятия правительства в экономической сфере;

- 4) характеристика вражеской цензуры;
- 5) характеристика прессы и отношение народа к ней;
- 6) сообщения о бегстве военнопленных;
- 7) сообщения о секретной переписке военнопленных [12].

Понятно, что если какой-либо из указанных сюжетов имел место в тексте писем, то они вряд ли могли быть отправлены адресату.

В принципе, в каждом из лагерей военнопленных имелось подразделение, ответственное за военную цензуру (*Prüfungsstelle*), и они осуществляли перлюстрацию писем на месте. Но то, что письма писались на разных языках, даже на разных шрифтах, создавало дополнительные трудности. В таких случаях постепенно сложилась следующая практика: все «непонятные» письма отправлялись «проверочными пунктами» на адрес Семинара по восточным языкам – *Seminar für orientalische Sprachen* (далее в тексте – СВЯ) Берлинского университета (письма на русском языке в СВЯ не направлялись). Семинар в годы Первой мировой войны стал своего рода цензурным учреждением, хотя его сотрудники занимались только технической стороной: они осуществляли перевод писем военнопленных по соответствующим запросам из лагерей. Правда, перевод осуществлялся не полный, переводчики в принципе должны были обращать внимание только на сюжеты, которые были отмечены выше. А потом уже непосредственно лагерные службы, получив перевод из СВЯ, принимали решение об отправке или же, наоборот, неотправке корреспонденции. Вот такой дополнительный путь должны были проходить и письма мусульманских военнопленных.

Поначалу наличие такой громоздкой конструкции приводило к весьма комичным ситуациям. Так, например, в запросе из лагеря Ван от 4 апреля 1915 г. в СВЯ содержалась просьба уточнить, на каком из двух языков написано письмо – на урду или киргизском (обратим внимание, какая экзотичная пара получилась!). Или же в запросе из штаба 6-го армейского корпуса от 23 апреля 1915 г. содержится предположение, что отправленное письмо написано на одном из «негритянских языков» [13]. Поразительную «эрудицию» демонстрировали порой отправители и относительно татарских писем. Так, 1 февраля 1916 г. капитан Шотт из лагеря Эбенберг-Ландау (Пфальц) направил в СВЯ открытку «с турецкими письменными знаками» и заметил при этом: «По данным од-

ного господина, который ранее работал в нашем учреждении, речь здесь идет о татарском диалекте, на котором говорят в районе Нижнего Новгорода» [14].

Посмотрим подробнее, как обстояло дело с письмами из плена, написанными на татарском языке. Самая большая сложность для всех сторон – и для отправителей, и для проверяющих германских служб – состояла в том, что в Германии в то время не было квалифицированных (или даже не очень квалифицированных) кадров, которые были бы в состоянии разобраться с татарскими текстами. Письма на татарском языке, судя по материалам архива, стали приходить для перевода в Берлинский университет примерно с начала февраля 1915 г. Но что с ними делать, в Семинаре просто-напросто не знали. Все письма, которые из лагерей направлялись в СВЯ, просматривал вначале секретарь и делал пометку карандашом, кому или куда отправить для перевода то или иное письмо. Так вот, с февраля 1915 г. запросы о письмах на татарском языке содержат или отметку со знаком вопроса (секретарь не знал, куда его направить), или же пометку «обратно» (письмо возвращалось в лагерь без перевода). Так происходило вплоть до августа 1915 г. (!). Можно только гадать, что происходило с возвращенными письмами – скорее всего, они никуда не отправлялись, поскольку не было никакой информации об их содержании...

Все-таки постепенно и в деле проверки корреспонденции мусульманских военнопленных было найдено решение. С начала августа 1915 г. все присланные в СВЯ письма на татарском языке стали отправляться в Службу информации по Востоку, впервые такая пометка на запросе в СВЯ была сделана 6 августа 1915 г. [18]. Практически прошел год с начала войны, и более полугода как были созданы лагеря мусульманских военнопленных, а некий порядок с проверкой писем установился только сейчас... По-видимому, принималось во внимание то, что в СипВ имелись кадры пропагандистов-переводчиков, владевшие татарским языком. Понятно, однако, что такой порядок действий лишь усложнял громоздкую схему проверки корреспонденции на татарском языке.

Так продолжалось до февраля 1916 г. – татарские письма дополнительно отправлялись в СипВ. Однако 16 февраля 1916 г. при составлении подробной справки о работающих с письмами переводчиках директор СВЯ Захау отметил, что письма на татарском языке переводят

сотрудники СипВ, после чего выражение «Служба информации по Востоку» было зачеркнуто, вместо него поставлено имя «Бедри». «Бедри» – это Бадретдин Камалетдинович Сейфулмулюков (в немецкой документации чаще всего Бедри Камаледдин¹).

Родился он в 22 мая 1896 г. в Казалинске в семье купца. Начальное образование получил в Оренбурге. По некоторым данным, в 1907 г., по другим – в 1910 г., уехал в Стамбул, где обучался в Султанском колледже Галатасарай. Закончив учебу в Турции, в августе 1915 г. переехал в Берлин, и в октябре 1916 г. начал обучение стоматологии в Берлинском университете. Имел турецкое гражданство, хотя связей со своей родиной не порывал. Результатом учебы стала диссертация, защищенная в 1921 г. на тему «Зубы у татар. Одонтологическое и краниологическое исследование» [19].² С апреля 1918 до февраля 1925 г. являлся лектором татарского языка при Семинаре по восточным языкам Берлинского университета, хотя директор СВЯ Эдуард Захау отмечал в одной из своих справок, что Бедри Камаледдин оказывал помощь Семинару с марта 1916 г. «в работе с различными татарскими письменными текстами» [21]. Под этими текстами явно имеются в виду письма военнопленных. Бедри Камаледдин впоследствии играл большую роль в работе «Общества поддержки российско-мусульманских студентов-мусульман». В 1925 г. якобы с целью отпуска он отправился в Ташкент, дальнейшая его судьба неизвестна.³

В деле перлюстрации корреспонденции мусульманских военнопленных в СВЯ Бедри Камаледдин вряд ли играл ведущую роль, все-таки он еще сравнительно недавно переехал в Германию, и вряд ли его знания немецкого языка на тот момент были очень качественными. Эту роль стал исполнять исследователь куда более известный – на тот момент библиотечкарь, впоследствии профессор Готтхольд Вайль.⁴ По-видимому, именно в работе с пись-

мами военнопленных Г. Вайль совершенствовал свое знание татарского языка, который он начал преподавать в Берлинском университете вместе с Бедри Камаледдином: с 4 марта 1916 г. на запросах из лагерей по поводу перевода татарских писем уже отмечено, что письма передаются Готтхольду Вайлю. Фактически до конца Первой мировой войны все письма на татарском языке, которые приходили в СВЯ, переводил именно этот человек. Кроме писем, ему приходилось давать справки о книгах, журналах, газетах, дневниках, которые администрация лагерей отбирала у военнопленных (правда, в случае «положительной» оценки их содержания, они возвращались владельцам). Таких свидетельств в фондах Семинара сохранилось немало: так, в апреле 1916 г. с интервалом в две недели из лагеря Виттенберге были получены для проверки пять книг и одна газета на татарском языке, Г. Вайль довольно быстро отправил их обратно [27], в мае 1916 г. он дал также положительный отзыв о содержании двух записных книжек на татарском языке из лагеря Шпоттау [28]. Случались в этой работе и поистине «авральные» ситуации – так, 17 июля 1916 г. комендатура лагеря Ван отправила в СВЯ одновременно 168 писем военнопленных, из них 56 на литовском, 44 – на татарском, 22 – на латышском языках [29].

На протяжении 1916–1917 гг. работа по переводу писем военнопленных сотрудниками Семинара по восточным языкам Берлинского университета становилась все более интенсивной и сопряженной со многими дополнительными трудностями. Это нашло конкретное отражение в письме, отправленном от имени директора Семинара Эдуарда Захау в Генеральный штаб 4 апреля 1917 г. [30]. Автор сообщал, что количество писем из лагерей за последнее время возросло многократно. В семинаре, по его сведениям, осуществляется перевод с 44 (!) языков, а письма присылаются сюда более чем из 100 лагерей военнопленных, в некоторые дни их бывает до 1000. Потому руководство Семинара отмечало, что они не могут «полностью удовлетворять всем требованиям» и что «даже чисто механическая работа (клеить, ста-

¹ Во избежание путаницы ниже его имя будет передаваться именно так, как оно упоминалось в официальных немецких документах – Бедри Камаледдин.

² В 2013 г. этот текст был переиздан Себастианом Цвиклински [20].

³ Все нюансы деятельности Бедри Камаледдина в Семинаре по восточным языкам Берлинского университета отражены в документах его персонального дела [22]. См. также: [23, с. 27]

⁴ Готтхольд Вайль (1882–1960) – крупный ученый-востоковед. В Берлинском университете работал в

1914 г., здесь он с апреля 1918 по 1931 гг. преподавал татарский язык. С 1931 г. работал в университете Франкфурта на Майне. С 1935 г. в эмиграции, работал в Иерусалимском университете. Г. Вайль является автором сборника татарских текстов, записанных в лагере военнопленных в Вюнсдорфе. См. о нем: [24], [25], [26].

вить печати, считать, приводить в порядок) занимает немало времени». Опираясь на выше-сказанное, директор СВЯ просил прикомандировать еще людей из военных для помощи Семинару.

Судя по всему, написанию этого письма предшествовала немалая подготовительная работа, были осуществлены скрупулезные подсчеты. Приведем наиболее важные сведения из этих подготовительных материалов: в СВЯ был составлен полный список лагерей, из которых поступали письма военнопленных, всего их в списке 94 (хотя директор в своем письме и говорит о «более чем 100» лагерях). Отметим, что ни Вюнсдорфский, ни Цоссенский лагеря в списке не упоминаются. Можно только предполагать, что цензура писем здесь осуществлялась либо своими собственными силами, либо через прямую связь со Службой информации по Востоку.

Перевод осуществляли в общей сложности 25 человек, они переводили с 38 языков (они все перечислены, ответственным за татарский язык был назван доктор Г. Вайль). Любопытно, что среди этих 38 языков был вначале упомянут и чувашский(!). Правда, это упоминание было вычеркнуто с пометкой «не может быть подсчитано». Общее количество присланных за последнюю неделю писем составляло 3122. Из них большинство на литовском – 1000, латышском – 350, румынском – 350, татарском – 200, еврейском – 130, болгарском – 130 (судя по всему, приведены округленные данные, на остальных языках писем было менее 100) [31].

Даже если предположить, что цифры не абсолютно точны, что тексты писем переводились не полностью, можно заметить, что объем работы сотрудников Семинара был просто колоссальным. И все равно нехватка подготовленных и квалифицированных кадров ощущалась, похоже, постоянно. Во всяком случае, представитель Военного министерства Роде в запросе в СВЯ от 26 октября 1917 г. с горечью отмечал: «Цензура писем военнопленных очень затруднена тем, что нет подходящих кадров со знанием языков. Поэтому приходится в крайних случаях прибегать к помощи государственных учреждений и частных лиц, а это порой приводит к некоторым „неприятностям“» [32].

Такая высокая интенсивность работы позволила руководству Семинара впоследствии ходатайствовать о вознаграждении особо отличившихся переводчиков: например, летом-осенью 1918 г. директор СВЯ Э. Захау неодно-

кратно обращался в Военное министерство с просьбой о премировании своих сотрудников, а также награждении некоторых из них «Крестом за заслуги в войне» [33]. Кстати говоря, имени Готтхольда Вайля среди представленных к поощрению мы не встречаем...

Работа с текстами писем на разных языках в СВЯ продолжалась и после окончания войны, так как военнопленные продолжали оставаться в лагерях. Хотя в 1919–1920 гг. многие из них уже и были репатриированы, но правила требовали контроля над оставшимися. Последнее письмо на татарском языке поступило в Семинар для перевода 26 января 1920 г. из лагеря в Мюнзингене [34].

Результаты и выводы

Цензура писем военнопленных в годы Первой мировой войны, как видно, осуществлялась с большим вниманием и педантичностью. К сожалению, тексты самих писем в германских архивохранилищах практически не сохранились. Думается, что поиск и дальнейшее изучение подобных текстов в различных архивах – это интересное и перспективное направление в изучении одного из крупнейших военных конфликтов XX в., в который были втянуты самые разные народы. Важно подчеркнуть и то, что знакомство с многочисленными татарскими текстами в годы Первой мировой войны оказало влияние на такого известного востоковеда, как Готтхольд Вайль, который на основе полученного опыта с 1918 г. начал преподавать татарский язык в Берлинском университете. Таким образом, получилось, что вначале ученые были призваны помочь военным в деле цензуры писем военнопленных, то есть фактически были поставлены на службу войне, а затем уже работа с письмами своеобразно повлияла на развитие новых направлений в немецком востоковедении.

Литература

1. *Doegen W. Kriegsgefangene Völker. Band I: Der Kriegsgefangenenhaltung und Schicksal in Deutschland.* Berlin 1921.
2. *Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне.* Т. 1. Париж, 1939.
3. *Bilton D. Allied POWs in German Hands 1914–1918 (Images of War).* Pen and Sword Military, 2017.
4. *Oltmer J. Unentbehrliche Arbeitskräfte – Kriegsgefangene in Deutschland 1914–1918,* in: Jochen Oltmer (Hg.): *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs.* Paderborn 2006.

5. *Нагорная О. С.* Другой военный опыт. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии. 1914–1922. М., 2010.
6. *Гилязов И. А., Гатауллина Л. Р.* Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны. Казань: Татарское книжное издательство, 2014.
7. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753259?ysclid=lzfq9x5i63384911507> (дата обращения: 04.08.2024).
8. *Ulrich B.* Die Augenzeugen. Deutsche Feldpostbriefe in Kriegs- und Nachkriegszeit 1914–1933, Essen Klartext Verlag, 1997.
9. *Jones H.* Violence against Prisoners of War in the First World War: Britain, France and Germany, 1914–1920, Cambridge and New York, 2011.
10. *Абдрашитов Э. Е.* Письма военнопленных Первой мировой войны как канал передачи информации // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 3(19). С. 30–35.
11. *Бальдауф И.* «Wie Blätter im Wind». Erinnerungen tatarischer Kriegsgefangener aus Wünsdorf/Berlin, 1916–1919 // Источники и исследования по истории татарского народа: материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М. А. Усманова / Составители Д. М. Усманова, Д. А. Мустафина. Казань: Казанский гос. ун-т, 2006. С. 420–433.
12. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GSAPK), I HA, Rep. 208 A, Nr. 238 II, Bl. 167–168.
13. Ibid., Nr. 234 I, Bl. 120, 131.
14. Ibid., Nr. 235, Bl. 90.
15. *Гилязов И. А.* Германская Служба информации по Востоку и организация печатной пропаганды среди мусульманских народов России в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 103–115.
16. *Bragulla M.* Die Nachrichtenstelle für den Orient. Fallstudie einer Propagandainstitution im Ersten Weltkrieg. Saarbrücken 2007.
17. *Müller H. L.* Islam, «Ġihād» und Deutsches Reich. Ein Nachspiel zur wilhelminischen Weltpolitik im Maghreb 1914–1918, Frankfurt a. M.; Bern; New York; Paris 1991.
18. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GSAPK), I HA, Rep. 208 A, Nr. 234 II, Bl. 86.
19. *Bedri Kemaleddin.* Die Zähne der Tataren. Odontologische und craniologische Untersuchungen. Berlin, 1923.
20. *Kemaleddin Bedri.* Die Zähne der Tataren. Eine zahnmedizinische Dissertation aus dem Jahre 1923. Eingeleitet, kommentiert und herausgegeben von Sebastian Cwiklinski. Berlin 2013.
21. GSAPK, I HA, Rep. 208 A, Nr. 126, Bl. 11.
22. GSAPK, I HA, Rep. 208 A, Nr. 126.
23. *Cwiklinski S.* Die Wolga an der Spree: Tataren und Baschkiren in Berlin. Berlin, 2000.
24. *Landau J. M.* Gotthold Eljakim Weil (Berlin, 1882 - Jerusalem, 1960) // Die Welt des Islams. New Series, Vol. 38, Issue 3, The Early Twentieth Century and Its Impact on Oriental and Turkish Studies (Nov., 1998). P. 280–285.
25. *Гилязов И. А.* Военнопленные татары в Германии в период Первой мировой войны // Татарские тексты. На основе пластинок, находящихся в отделе звуков Прусской Государственной библиотеки / Издан, переведен, аннотирован Готтхольдом Вайлем. Казань: Слово, 2009. С. 9–14.
26. *Гилязов И. А.* Готтхольд Вайль как исследователь татар и татарского языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 1 (39). С. 269–274.
27. GSAPK, I HA, Rep. 208 A, Nr. 236 I, Bl. 81, 141; Nr. 236 II, Bl. 2, 11.
28. Ibid., Nr. 236 II, Bl. 108.
29. Ibid., Nr. 237 II, Bl. 171.
30. Ibid., Nr. 239 I, Bl. 34.
31. Ibid., Bl. 65–66, 82–83.
32. Ibid., Bl. 127.
33. Ibid., Nr. 239 II, Bl. 2–10.
34. Ibid., Bl. 88.

БЕРЕНЧЕ БӨТЕНДӨНЬЯ СУГЫШЫ ЧОРЫНДА ГАЛИМНӘРНЕҢ ХӘРБИ ӘСИРЛӘР ХАТЛАРЫН ПЕРЛЮСТРАЦИЯЛӘУ БУЕНЧА БАШКАРГАН ХЕЗМӘТЕ

Искәндәр Аяз улы Гыйләжев,
ТР ФА М.Х. Хәсәнов исемендәге
Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты,
Россия, 420015, Казан ш., Пушкин ур., 58 йорт,
gilyazov1958@mail.ru

Мәкаләдә Беренче бөтендөнья сугышы тарихыннан кызыклы һәм аз билгеле сюжетларның берсе – Алмания территориясендәге лагерьларда булган хәрби әсирләрнең хатларын цензурау өчен Көнчыгышны өйрәнүче галимнәрне жәлеп итү турында сүз бара. Галимнәрне

хәрби әсирләрнең хатларын перлюстрацияләүгә шундый масштаблы катнаштыру мәжбүри чара булган, чөнки хәрби цензорлар Көнчыгыш телләрен белмәгән. Мондый хатлар арасында Беренче бөтендөнья сугышына кадәр Алмания университетларында укытылмаган татар телендәге хатлар да шактый күп булган. Немец тюркологиясендә татар теленә сизелерлек кызыксыну уянуга нәкъ менә сугыш әсирләренең хатларын татар телендә перлюстрацияләү билгеле бер дәрәжәдә йогынты ясаган дип санарга мөмкин. Сугыш елларында татар хатларын тикшерү өчен җаваплы булган, ә 1918 елдан Берлин университетында татар телен укыткан күренекле тюрколог Готтһольд Вайльнең фәнни эшчәнлегенә моңа дәлил булып тора.

Төп төшенчәләр: Беренче дөнья сугышы, Германия, мөселман әсирләре, цензура, хатлар перлюстрациясе